

**Словоизменительный потенциал указательного склонения
в переходном диалекте мокшанского языка**

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Ведение. Изменение имени существительного в указательном склонении предполагает агглютинацию к основе слова формантов определённости. Представленная работа является продолжением исследований в области именно-го словоизменения в диалектах мордовских (мокшанского и эрзянского) языков и предполагает описание реляционного потенциала указательного склонения в ковылкинском, рузаевском и торбеевском группах говоров переходного диалекта мокшанского языка.

Цель: выявить и описать реляционный потенциал указательного склонения переходного диалекта.

Материалы исследования: диалектный материал, собранный нами во время выездов в места компактного проживания носителей переходного диалекта; картотека словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета.

Результаты исследования и научная новизна. В разных группах говоров переходного диалекта парадигма указательного склонения представлена не одинаково. Выделяются три диалектные парадигмы: трёхпадежная (рузаевская группа), четырёхпадежная (торбеевская) и промежуточная (ковылкинская). Трёхпадежная парадигма рузаевской группы аналогична с таковой большинства мокшанских говоров; в торбеевской группе на основе генитива определённого склонения развился каузатив с реляционным формантом *-ŋksǎ*; в ковылкинской группе появилась форма абессива на *-ftǎm̄ / -ft'ǎm̄*. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в мордовском языкознании путём сопоставления парадигм указательного склонения выявлен его реляционный потенциал, рассмотрены варианты суффиксов определённости, описаны закономерности их агглютинации в ковылкинском, торбеевском и рузаевском группах говоров переходного диалекта, что до настоящего времени оставалось вне поля зрения диалектологов.

Ключевые слова: мокшанский язык, переходный диалект, ковылкинская, рузаевская и торбеевская группа говоров, имя существительное, указательное склонение, словоизменение, форманты определённости

Для цитирования: Иванова Г. С., Водясова Л. П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка // Вестник урведования. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 63–72.

**Inflectional potential of the demonstrative declension
in the transitional dialect of the Moksha language**

G. S. Ivanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: changing the name of a noun in the demonstrative declension suggests agglutination of the definiteness formants to a word's stem. The presented work is a continuation of research in the field of nominal inflection in the dialects

of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages and involves a description of the relational potential of the demonstrative declension in the Kovytkino, Ruzaevka and Torbeevo dialect groups of the transitional dialect of the Moksha language.

Objective: to identify and describe the relational potential of the demonstrative declension of the transitional dialect.

Research materials: dialect material collected during trips to places of compact residence of speakers of the transitional dialect; card index of the Vocabulary Room of the Philological Faculty of the Mordovia State University.

Results and novelty of the research: as a result of the study, we came to the conclusion that in different groups of dialects of the transitional dialect, the paradigm of the demonstrative declension is not presented in the same way. There are three dialectal paradigms: three-case (Ruzaevo group), four-case (Torbeevo group) and intermediate (Kovytkino group). The three-case paradigm of the Ruzaevo group is similar to most Moksha dialects; in the Torbeevo group on the basis of the genitive of the definite declension a causative with the relational formant *-ŋksǎ* developed; in the Kovytkino group, a form of abessive with *-ftǎmǎ / -ft'ǎmǎ* developed. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Mordovian linguistics, by comparing the paradigms of the demonstrative declension; its relational potential is revealed; variants of definiteness suffixes are considered; the patterns of their agglutination in the Kovytkino, Torbeevo and Ruzaevka groups of dialects of the transitional dialect are described, which until now has remained outside field of view of dialectologists.

Keywords: Moksha language, transitional dialect, Kovytkino, Ruzaevka and Torbeevo dialect groups, noun, demonstrative declension, inflection, definiteness formants

For citation: Ivanova G. S., Vodyasova L. P. Inflectional potential of the demonstrative declension in the transitional dialect of the Moksha language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (1/52): 63–72.

Введение

В современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках имеется уникальное склонение – указательное (определённое), отсутствующее в других финно-угорских языках [3; 15]. Его особенностью является изменение имени существительного с формантами определённости (указательности), сущность которых заключается в их способности указывать на конкретный предмет или явление с целью выделения его из массы подобных [5; 16]. Исследователи финно-угорских языков единодушны относительно их местоимённого происхождения. По мнению большинства учёных, они берут своё начало от указательных местоимённых основ **sY-*, **tY-*, **nY-* уральского периода [6; 19; 25; 28], которые в настоящее время представлены в виде указательных местоимений *t'ä / t'e* ‘этот, эта, это’, *s'ä / s'e* ‘тот, та, то’, *n'ä / n'e* ‘эти’.

Несмотря на то, что указательное склонение и форманты определённости свойственны только мордовским языкам, практически во всех уральских языках есть или развившиеся из праязыковых местоимённых основ современные указательные местоимения [11; 15; 18; 20], или образованные в результате их модификации постпозитивные артикли. Так, например, в вепском языке значение, свойственное определённому артиклю, выражают постпозитивные артикли *s'e* (ед. ч.) и *n'e* (мн. ч.) [15; 26].

Вопросам формирования парадигмы указательного склонения в мокшанском и эрзянском языках посвящены работы К. И. Ананьиной [1], Р. В. Бабушкиной [2], Д. В. Бубриха [3], С. З. Девяева [6], С. И. Липатова [13], Т. И. Ломакиной

[14], М. З. Левиной [12], А. П. Феоктистова [24], Т. М. Тихоновой [21], Д. Т. Надькина [17], Д. В. Цыганкина, Н. А. Агафоновой, И. Н. Рябова [22] и др. Учёных интересует не только описание падежных форм, морфологическая составляющая падежных формантов, но и этимология суффиксов определённости, степень развития системы указательного склонения в обоих мордовских языках, модификация указательных местоимений в разные морфемы определённости, развитие падежных форм по словоизменительным моделям, формирование указательного склонения в мокшанском и эрзянском диалектах как на территории Республики Мордовия, так и за её пределами.

При изучении диалектного материала [8; 9; 10] большой интерес у исследователей вызывает переходный диалект, который занимает пограничное положение между основными диалектами. В каждой группе его говоров нашли отражение отдельные признаки соседних диалектов: в ковытклинской группе сосредоточены признаки юго-восточного и западного диалектов, в торбеевской – признаки западного, центрального и юго-восточного, в рузаевской – признаки центрального и юго-восточного. Специфика соседних диалектов нашла проявление и в указательном склонении [4].

Материалы и методы

Методологическую базу работы составили труды отечественных исследователей по диалектологии, а также зарубежных учёных по мокшанскому языку вообще и диалектам в частности. Материалом для анализа послужили диалектные

данные, собранные авторами во время диалектологических экспедиций и индивидуальных выездов в отдельные населённые пункты Зубово-Полянского, Торбеевского, Ковылкинского, Рузаевского районов Республики Мордовия в период с 2010 по 2022 гг.; диалектный материал словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Использованы также мокшанские тексты, собранные финским исследователем Х. Паасоненом на территории современной Мордовии и Пензенской области в конце XIX в., опубликованные в 1909 г. под названием «Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss» [27].

В качестве основных методов исследования были определены описательный и сопоставительный. Первый был использован при синхроническом описании парадигмы определённого склонения в каждой из групп переходного диалекта, второй – для выявления диалектных особенностей в именном словоизменении диалекта.

Результаты

Парадигма именного словоизменения мокшанского языка представлена тремя типами склонения: основным (неопределённым), указательным (определённым) и притяжательным. Полностью вся падежная система имеет место только в основном склонении, она состоит из тринадцати падежей и построена по модели: именная основа + соответствующий падежный формант неопределённости.

Падежная система указательного склонения переходного диалекта мокшанского языка неполная и неоднородная, её можно дифференцировать следующим образом: трёхпадежная – система рузаевских переходных говоров; четырёхпадежная – система торбеевских переходных говоров; промежуточная – система ковылкинских переходных говоров. Трёхпадежная система состоит из номинатива, генитива, датива, она аналогична падежной системе пограничного центрального диалекта; в четырёхпадежной системе торбеевских говоров, кроме указанных трёх падежей, присутствует каузатив (аналогично с соседним западным диалектом); в промежуточной системе ковылкинских переходных говоров в единственном числе развилась форма абессива.

Исторически указательное склонение образовалось на базе неопределённого склонения, что,

как указывает С. З. Деваев, говорит о его более позднем происхождении [6, 340–341]. Во всех падежах (за исключением абессива) имеются формы единственного и множественного числа, в отличие от основного склонения, где отдельная форма множественного числа есть только в номинативе. Грамматическими средствами выражения указательности выступают суффиксы, которые присоединяются к основе слова непосредственно.

В переходном диалекте формирование падежных форм указательного склонения происходило по пяти моделям:

1) формы номинатива, генитива и датива единственного числа указательного склонения во всех группах говоров образованы по единой модели «именная основа + соответствующий падежный формант определённости»: N-DEF. SG.NOM (GEN, DAT);

2) формы номинатива, генитива и датива множественного числа указательного склонения во всех группах говоров образованы по модели «именная основа + суффикс множественного числа (если основа оканчивается на согласные *d, d', t, t', n, n'*; на гласный, кроме основ на *u, i, i* в двусложных словах) + суффикс указательной множественности + (в генитиве и дативе) соответствующий падежный формант неопределённости»: N-(PL)-DEF.PL- SG.(GEN, DAT);

3) форма каузатива единственного числа указательного склонения торбеевской группы говоров образована по модели «именная основа + генитивный формант определённости + формант каузатива неопределённого склонения»: N-DEF. SG.GEN-CAUS;

4) форма каузатива множественного числа указательного склонения во всех группах говоров образована по модели «именная основа + суффикс множественного числа + суффикс указательной множественности + генитивный формант неопределённости + формант каузатива неопределённого склонения»: N-PL-DEF.PL-SG. GEN-CAUS;

5) форма абессива единственного числа указательного склонения ковылкинской группы говоров образована по модели «именная основа + генитивный формант определённости + генитивный формант определённости + формант абессива неопределённого склонения»: N-DEF. SG.GEN-ABES.

Падежные формы указательного склонения переходного диалекта представлены в табл. 1.

Падежные формы указательного склонения
ковылкинской, рузаевской, торбеевской групп переходных говоров

Число	Падеж	Группы переходных говоров		
		ковылкинская	рузаевская	торбеевская
Ед. ч.	Ном.	-s' / -c'	-s' / -c'	-s' / -c', -s / -c
	Ген.	-t'	-t'	-t' / -t
	Дат.	-t'i	-t'i	-t'i / -tí
	Абес.	-ftəmă / -ft'əmĕ	–	–
	Кауз.	-t' + iŋksă		-t'-ksă / -t-ksă
Мн. ч.	Ном.	-t'-n'ĕ / -n'ĕ	-t'-n'ĕ / -n'ĕ	-t'-n'ĕ / -n'ĕ, -t-nĕ / -nĕ
	Ген.	-t'-n'ĕ-n' / -n'ĕ-n'	-t'-n'ĕ-n' / -n'ĕ-n'	-t'-n'ĕ-n' / -n'ĕ-n', -t-nĕ-n / -nĕ-n
	Дат.	-t'-n'ĕ-n'd'i / -n'ĕ-n'd'i	-t'-n'ĕ-n'd'i / -n'ĕ-n'd'i	-t'-n'ĕ-n'd'i / -n'ĕ-n'd'i, -t-nĕ-ndī / -nĕ-ndī
	Абес.	–	–	–
	Кауз.	-t'-n'ĕ-n' / -n'ĕ-n' + iŋksă		-t'-n'ĕ-n-ksă / -n'ĕ-n-ksă, -nĕ-n-ksă

Как видно из таблицы, в качестве грамматического показателя номинатива (ков. *kijĕ? ki? miz's'?* / руз., торб. *kijĕ? mez's'?* 'кто (это, то)? что (это, то)?') единственного числа во всех группах переходного диалекта выступает формант определённости *-s'*, этимологически восходящий к указательному местоимению *c'ă* 'тот, та, то' < *sY- и имеющий разные варианты: в ковылкинской и рузаевской группах говоров употребляются два палатальных варианта – *-s'*, *-c'*, в торбеевской – четыре варианта: кроме палатальных *-s'*, *-c'*, встречаются два велярных – *-s*, *-c*.

Появление вариантов с аффрикатой (*-c*, *-c'*) связано, с одной стороны, с аффрикатизацией переднеязычного взрывного согласного основы (*d*, *d'*, *t*, *t'*) и последующего ффрикативного согласного (*s*, *s'*) суффиксальной морфемы: $d + s = c$, $d + s' = c'$, $d' + s = c$, $d' + s' = c'$, $t + s = c$, $t + s' = c'$, $t' + s = c$, $t' + s' = c'$, с другой стороны, возникновением вставочного взрывного согласного после переднеязычного носового основы на артикуляционном пути $n \rightarrow s$, $n \rightarrow s'$, $n' \rightarrow s'$: ($n + (t) + s = c$, $n' + (t') + s' = c'$, $n' + (t') + s' = c'$), который и послужил причиной появления аффрикаты в суффиксальной морфеме.

Грамматическим показателем номинатива множественного числа выступает сложный суффикс *-t'n'ĕ*, исторически состоящий из двух суффиксов (*-t' + -n'ĕ*), первый является суффиксом множественного числа неопределённого склонения, второй – указательной множественности, развившийся от указательного местоимения *n'ă* 'эти' < *nY-. В рузаевской и ковылкинской группах говоров суффикс номинатива множественного числа имеет два палатальных варианта: полный *-t'n'ĕ* и упрощённый *-n'ĕ*. Упрощён-

ный вариант вторичный, он появился в результате выпадения суффикса *-t'* в основах на гласные *i*, *î* в двусложных (и более) словах и согласные $d \rightarrow t$, $d' \rightarrow t$, $t, t' \rightarrow t$, $n \rightarrow t$, $n' \rightarrow t'$; во всех остальных основах сохранился полный вариант. В торбеевской группе переходных говоров суффикс множественного числа является четырёхвариантным: кроме *-t'n'ĕ* и *-n'ĕ*, употребляются велярные варианты: полный *-tnĕ* и упрощённый *-nĕ*.

В номинативе единственного числа морф с палатальной аффрикатой *-c'* в ковылкинских и рузаевских говорах агглютинирует к конечным *n*, *n'*, *d*, *d'*, *t*, *t'* основы, остальные принимают вариант *-s'*; в торбеевских говорах мягкая аффриката присоединяется к согласным *n'*, *d'*, *t'*, твёрдая – к *n*, *d*, *t*: руз., ков. *pr'e*, торб. *pr'ă* 'голова' – руз., ков. *pr'e-s'*, торб. *pr'ă-s'* 'голова-DEF.SG.NOM'; руз., ков., торб. *kal* 'рыба' – руз., ков. *kal-s'*, торб. *kal-s* 'рыба-DEF.SG.NOM'; руз., ков., торб. *loman* 'человек' – руз., ков., торб. *loman'-c'* 'человек-DEF.SG.NOM'; руз., ков., торб. *sapən* 'мыло' – руз., ков., торб. *sapən* 'мыло-DEF.SG.NOM'; руз., ков., торб. *san* 'вена' – руз., ков. *san-c'*, торб. *san-c* 'вена-DEF.SG.NOM'.

Присоединение вариантов суффиксов определённости происходит по закону палатально-велярного сингармонизма.

Велярные варианты суффикса множественного числа *-tnĕ*, *-nĕ* агглютинируют к основам на гласный заднего ряда и велярный согласный: руз., ков. *ked'*, торб. *käd'* 'рука' – ков., руз. *ket'-t'-n'ĕ* / торб. *kät'-t'-n'ĕ* 'рука-PL-DEF.PL'; руз., ков., торб. *san* 'вена' – руз., ков. *sat'-t'-n'ĕ*, торб. *sat-t-nĕ* 'вена-PL-DEF.PL'; руз., ков., торб. *tarat* 'ветка' – руз., ков. *tarat'-t'-n'ĕ*, торб. *tarat-t-nĕ* 'ветка-PL-

DEF.PL'; руз., ков., торб. *val* 'слово' – руз., ков. *vaL-n'ě*, торб. *vaL-ne* 'слово-DEF.PL'.

Формальным показателем генитива являются суффиксы определённости *-t'* (для единственного числа), являющегося репрезентантом указательного местоимения *t'ä < *tY-*, и *-t'-n'ə-n'*, *-n'ə-n'* (для множественного числа), при этом к суффиксу множественного числа присоединяется падежный формант генитива неопределённого склонения *-n'*.

В торбеевских говорах имеют место и твёрдые варианты генитивного суффикса (соответственно *-t*; *-t-nə-n*, *-nə-n*): ков. *kiv*, руз., торб. *kev* 'камень' – ков. *kiv-t'*, руз., торб. *kev-t'* 'камень-DEF.SG.GEN'; ков. *kif-n'ə-n'*, руз., торб. *kef-n'ə-n'* 'камень-DEF.PL-GEN'; ков., руз., торб. *on* 'сон' – ков. *ont'-t'*, руз. *on-t'*, торб. *on-t* 'сон-DEF.SG.GEN'; ков., руз. *ot'-t'-n'ə-n'*, торб. *ot-t-nə-n* 'сон-PL-DEF.PL-GEN'; ков., руз., торб. *tarat* 'ветка' – *tarat'-t'* 'ветка-DEF.SG.GEN'; ков., руз. *tarat-t'-n'ə-n'*, торб. *tarat-t-nə-n* 'ветка-PL-DEF.PL-GEN'. Первичность генитивного *-n* в своё время отмечал Б. А. Серебренников [19].

В ковылкинской группе говоров в форме генитива единственного числа падежный формант проявляется дважды: вместо *-t'* употребляется *-t'-t'* ($n+t' \rightarrow n+t'-t'$; $n'+t' \rightarrow n'+t'-t'$): *jan* 'тропа' – *jan-t'-t'* 'тропа-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN', *sapən* 'мыло' – *sapən'-t'-t'* 'мыло-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN', *on* 'сон' – *on-t'-t'* 'сон-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN'.

Формальным показателем датива выступают форманты определённости ков., руз. *-t'i*, торб. *-t'i / -t'i* – в единственном числе и ков., руз. *-t'-n'ə-n'-d'i / -n'ə-n'-d'i*, торб. *-t'-n'ə-n'-d'i / -n'ə-n'-d'i*; *-t-nə-n-d'i / -nə-n-d'i* – во множественном числе, к суффиксу множественного числа указательного склонения *-t'n'ě / -n'ě* присоединяется падежный формант генитива неопределённого склонения *-n'* и формант определённости единственного числа *-t'i*, восходящий к лативной форме послелога **t'ej* [23; 25; 27] (в современных диалектах выступающий также в составе послеложных местоимений: (*mon*) *t'ej-n'ě* 'ко мне', (*ton*) *t'ej-t' / t'i-t'* 'к тебе', (*son*) *t'ej-nd'zǎ / t'ijə-nd'zǎ* 'к нему', (*min*) *t'ej-n'ək / t'ij-n'ək* 'к нам' и т. д.) с озвончившимся на морфемном шве в результате прогрессивной ассимиляции согласным (*n't' → n'd'*): в единственном числе: ков., руз. *pr'e* / торб. *pr'ä* 'голова' – ков., руз. *pr'e-t'i* / торб. *pr'ä-t'i* 'голова-DEF.SG.DAT'; ков., руз., торб. *val* 'слово' – руз., ков. *val-t'i*, торб. *val-t'i* 'слово-DEF.SG.DAT'; во множественном числе: ков., руз. *pr'e-t'-n'ə-*

n'd'i, торб. *pr'ä-t'-n'ə-n'd'i* 'голова-PL-DEF.PL-DAT'; ков., руз. *vaL-n'ə-n'd'i*, торб. *vaL-nə-nd'i* 'слово-DEF.PL-DAT'.

В ковылкинских говорах в словах с ауслатными переднеязычными смычными *n*, *n'* генитивная основа находит отражение и в дативе единственного числа ($n+t'i \rightarrow n+t'+t'i$; $n'+t'i \rightarrow n'+t'+t'i$): ков., руз., торб. *jan* 'тропа' – ков. *jan-t'-t'i* 'тропа-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN-DAT', руз. *jan-t'i* / торб. *jan-t'i* 'тропа-DEF.SG.DAT'; ков., руз., торб. *sapən* 'мыло' – ков. *sapən'-t'-t'i* 'мыло-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN-DAT', руз., торб. *sapən'-t'i* 'мыло-DEF.SG.DAT'; ков., руз., торб. *san* 'вена' – ков. *san-t'-t'i* 'вена-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN-DAT', руз. *san-t'i* / торб. *san-t'i* 'вена-DEF.SG.DAT'; во множественном числе вставочный генитивный формант отсутствует, ср.: ков., руз., торб. *sapət'-t'-n'ə-n'd'i* 'мыло-PL-DEF.PL-DAT'; ков., руз. *sat-t'-n'ə-n'd'i*, торб. *sat-t-nə-nd'i* 'вена-PL-DEF.PL-DAT' и др.

В торбеевских переходных говорах, как и в западном диалекте, развился четвёртый падеж – каузатив. Единственное число каузатива образовалось на базе генитива указательного склонения при помощи суффикса *-ŋksa*, восходящего к послелогу *iŋksa* 'за; из-за; ради', по формуле: *-t' + iŋksa*; множественное число каузатива образовалось на базе генитива множественного числа указательного склонения по формуле: *-t'-n'ə-n' + iŋksa*, где суффикс падежа присоединяется к форманту генитива не указательного склонения *-t'*, а основного *n*: *s'uma* 'корыто' → *s'uma-t'* 'корыто-DEF.SG.GEN' → *s'uma-t'-ksa* 'корыто-DEF.SG.GEN-CAUS'; *s'uma-t'-n'ə-n'* 'корыто-PL-DEF.PL-GEN' → *s'uma-t'-n'ə-n'ŋksa* 'корыто-PL-DEF.PL-GEN-CAUS'.

В ковылкинской группе переходных говоров, аналогично с соседними рыбкинско-мамолаевскими говорами [13], в единственном числе развилась форма абессива с грамматическим показателем *-ftəmǎ / -ft'əmə*, образованная на базе генитива указательного склонения (*-t'*). Следует сказать, что данную форму имеют не все имена существительные, а только те, основы которых оканчиваются на согласные *n*, *n'*: *sapən* 'мыло' → *sapən'-t'-t'* 'мыло-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN' → ков., ю.-в., рыб.-мам. *sapən'-t'-ft'əmə* 'мыло-DEF.SG.GEN-ABES'; *jon* 'ум' → *jon'-t'-t'* 'ум-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN' → ков., ю.-в., рыб.-мам. *jon'-t'-ft'əmə* 'ум-DEF.SG.GEN-ABES'; *s'əman* 'зипун' → *s'əman'-t'-t'* 'зипун-DEF.SG.GEN-DEF.SG.GEN' → ков., ю.-в., рыб.-мам. *s'əman'-t'-ft'əmə* 'зипун-DEF.SG.GEN-ABES'.

Если основа слова оканчивается на редуцированный гласный, которому предшествует сочетание согласных со взрывным, то во всей парадигме указательного склонения редуцированный гласный выпадает, на месте выпадения образуется консонантный комплекс [7]: *kurgă* ‘рот’ – *kurk-s* ‘рот-DEF.SG.NOM’ – *kurk-t* ‘рот-DEF.SG.GEN’ – *kurk-t’i* ‘рот-DEF.SG.DAT’ – *kurk-t’ksă* ‘рот-DEF.SG-CAUZ’; *kurk-n’ě* ‘рот-DEF.PL’ – *kurk-n’ə-n* ‘рот-DEF.PL-GEN’ – *kurk-n’ə-n’d’i* ‘рот-DEF.PL-DAT’ *kurk-n’ə-n’ksă* ‘рот-DEF.PL-GEN-CAUS’.

Значения остальных падежей указательного склонения представлены аналитическими конструкциями «именная основа в форме генитива единственного числа указательного склонения + послелог с соответствующим падежным формантом неопределённого склонения»: N-DEF.SG.GEN POST(REL) – в единственном числе; «именная основа в форме генитива множественного числа указательного склонения + послелог с соответствующим падежным формантом неопределённого склонения»: N-(PL)-DEF.PL-SG.GEN POST(REL) – во множественном числе:

šra-t’ al-dă ‘стол-DEF.SG.GEN под-ABL’, *šra-t’-n’ə-n’ al-dă* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN под-ABL’; *šra-t’ laŋ-să* ‘стол-DEF.SG.GEN на-INE’, *šra-t’-n’ə-n’ laŋ-să* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN на-INE’; *šra-t’ laŋ-stă* ‘стол-DEF.SG.GEN со-ELA’, *šra-t’-n’ə-n’ laŋ-stă* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN со-ELA’; *šra-t’ laŋ-s* ‘стол-DEF.SG.GEN на-ILL’, *šra-t’-n’ə-n’ laŋ-s* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN на-ILL’; *šra-t’ laŋ-ga* ‘стол-DEF.SG.GEN по-PROL’, *šra-t’-n’ə-n’ laŋ-ga* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN по-PROL’; *šra-t’ al-ă* ‘стол-DEF.SG.GEN под-LAT’, *šra-t’-n’ə-n’ al-ă* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN под-LAT’; *šra-t’ al-u* ‘стол-DEF.SG.GEN под-LAT’, *šra-t’-n’ə-n’ al-u* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN под-LAT’; *šra-t’ e-ška* ‘стол-DEF.SG.GEN с-COMP’, *šra-t’-n’ə-n’ e-ška* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN с-COMP’; *šra-t’ lacə(-ks)* ‘стол-DEF.SG.GEN (похож на-TR)’, *šra-t’-n’ə-n’ lacə(-ks)* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN (похож на-TR)’; *šra-t’ iŋksă* ‘стол-DEF.SG.GEN из-за (за)’, *šra-t’-n’ə-n’ iŋksă s* ‘стол-PL-DEF.PL-GEN из-за (за)’.

Аналитические падежные формы указательного склонения переходного диалекта представлены в табл. 2.

Таблица 2

Аналитические падежные формы указательного склонения

Падеж	Единственное число	Множественное число
Абл.	-t’/-t POST.ABL	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.ABL
Инес.	-t’/-t POST.IN	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.IN
Эл.	-t’/-t POST.EL	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.EL
Илл.	-t’/-t POST.ILL	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.ILL
Лат.	-t’/-t POST.LAT	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.L
Прол.	-t’/-t POST.PROL	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.PROL
Комп.	-t’/-t POST.COMP	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.COMP
Абес.	–	–
Транс.	-t’/-t POST.(TR)	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST.(TR)
Кауз.	-t’/-t POST	(-t’)-n’ə-n’/(-t)-nə-n POST

Полная парадигма синтетических и аналитических форм указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка представлена в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Парадигма единственного числа указательного склонения

Падеж	Форманты	vil’ě ‘село’	sapən’ ‘мыло’
Ном.	-c’, -s’ /-c, -s	vil’ə-s’	sapən’-c’
Ген.	-t’ / -t	vil’ə-t’	sapən’-(t’)-t’
Дат.	-t’i / -tî	vil’ə-t’i	sapən’-(t’)-t’i
Абл.	-t’ POST.ABL	vil’ə-t’ ftal-dă	sapən’-(t’)-t’ ez-dă
Инес.	-t’ POST.IN	vil’ə-t’ vaks-să	sapən’-(t’)-t’ e-să
Эл.	-t’ POST.EL	vil’ə-t’ vaks-stă	sapən’-(t’)-t’ vaks-stă
Илл.	-t’ POST.ILL	vil’ə-t’ vaks-s	sapən’-(t’)-t’ e-s
Лат.	-t’ POST.LAT	vil’ə-t’ ftal-u	sapən’-(t’)-t’ al-u
Прол.	-t’ POST.PROL	vil’ə-t’ ftal-ga	sapən’-(t’)-t’ vaks-ka
Комп.	-t’ POST. COMP	vil’ə-t’ e-ška	sapən’-(t’)-t’ e-ška
Абес.	–	–	– / Ков. sapən’-t’-t’-ft’əmə
Транс.	-t’ POST.(TR)	vil’ə-t’ lacă	sapən’-(t’)-t’ lacă
Кауз.	-t’ POST	Торб. vel’ə-t’ksă/Ков., Руз. vil’ə-t’ iŋksă	Торб. sapən’-t’ksă/Ков., Руз. sapən’-(t’)-t’ iŋksă

Парадигма множественного числа указательного склонения

Падеж	Форманты	ков., руз.	торб.
Ном.	-n'ě, -t'n'ě / -t-ne, -ne	vil'ə-t'n'ě	kaL-ne
Ген.	-n'ə-n', -t'n'ə-n' / -t-nə-n', -nə-n'	vil'ə-t'n'ə-n'	kaL-nə-n
Дат.	-n'ə-n'-d'i, -t'n'ə-n'-d'i / -t-nə-ndī, -nə-ndī	vil'ə-t'n'ən'-d'i	kaL-nən-dī
Абл.	-t'n'ən' POST.ABL	vil'ə-t'-n'ən' ftal-dā	kaL-nən ftal-dā
Инес.	-t'n'ən' POST.IN	vil'ə-t'-n'ən' vaks-sā	kaL-nən vaks-sā
Эл.	-t'n'ən' POST.EL	vil'ə-t'-n'ən' vaks-stā	kaL-nən vaks-stā
Илл.	-t'n'ən' POST.ILL	vil'ə-t'-n'ən' vaks-s	kaL-nən vaks-s
Лат.	-t'n'ən' POST.LAT	vil'ə-t'-n'ən' ftal-u	kaL-nən ftal-u
Прол.	-t'n'ən' POST.PROL	vil'ə-t'-n'ən' ftal-ga	kaL-nən tal-ga
Комп.	-t'n'ən' POST.COMP	vil'ə-t'-n'ən' e-ška	kaL-nən i-ška
Абес.	–	–	–
Транс.	-t'n'ən' POST.(TR)	vil'ə-t'-n'ən' lacə(-ks)	kaL-nən lacə(-ks)
Кауз.	Торб. -t'-n'ə-ŋksā, -n'ə-ŋksā, -nə-ŋksā/ Ков., Руз. -t'n'ən' POST	Торб. vel'ə-t'n'əŋksā/Ков., Руз. vil'ə-t'n'ən' iŋksā	kaL-nəŋ-ksā

Обсуждение и заключение

Парадигма указательного склонения переходного диалекта мокшанского языка до конца не сформировалась. В каждой из групп имеется своя специфика в развитии: система рузаевских говоров состоит из трёх падежей – номинатива, генитива, датива и аналогична таковой мокшанского литературного языка; система торбеевских говоров состоит из четырёх падежей – номинатива, генитива, датива, каузатива; система ковылкинских переходных говоров – промежуточная: в основах на *n*, *n'* развился абессив, имеющий место только в единственном числе. Во всех трёх группах указательное склонение имеет формы и единственного, и множественного числа.

Инновационные формы единственного числа получили развитие от основы генитива единственного числа указательного склонения с формантом *-t'*; множественное число каузатива в торбеевской группе говоров образовалось от формы генитива множественного числа

указательного склонения со сложным аффиксом *-t'n'ən'*. В формировании падежных форм указательного склонения выделяются пять моделей: 1) формы номинатива, генитива и датива единственного числа образованы по модели N-DEF.SG.NOM (GEN, DAT); 2) формы номинатива, генитива и датива множественного числа – по модели N-(PL)-DEF.PL-SG (GEN, DAT); 3) форма каузатива единственного числа – по модели N-DEF.SG.GEN-CAUS; 4) форма каузатива множественного числа – по модели N-PL-DEF.PL-SG.GEN-CAUS; 5) форма абессива единственного числа – по модели N-DEF.SG.GEN-ABES. Значения остальных косвенных падежей передаются формой указательного генитива с послелогом, выступающим с соответствующими падежными аффиксами неопределённого склонения.

Наличие твёрдых вариантов аффиксов определённости в торбеевской группе говоров, агглютинирующих к твердому консонанту в словах с заднерядным вокализмом, говорит о сохранении исторического показателя.

Сокращения

Глоссы: ABL – аблатив, ABES – абессив, CAUS – каузатив, DEF – определенное склонение, ELA – элатив, GEN – генитив, ILL – иллатив, INE – инессив, LAT – латив, NOM – номинатив, PL – множественное число, PROL – пролатив, SG – единственное число; TR – транслатив;

названия падежей: абес. – абессив, абл. – аблатив, ном. – номинатив, ген. – генитив, дат. – датив, илл. – иллатив, инес. – инессив, кауз. – каузатив, комп. – компаратив, лат. – латив, прол. – пролатив, транс. – транслатив, эл. – элатив;

ков. – ковылкинская группа переходных говоров; руз. – рузаевская группа переходных говоров; рыб.-мам. – рыбкинско-мамолаевские говоры; торб. – торбеевская группа переходных говоров; ю.-в. – юго-восточный диалект.

Список источников и литературы

1. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
2. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
3. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
4. Водясова Л. П., Иванова Г. С., Иванова Н. В. Гласные фонемы среднего подъема в переходном диалекте мокшанского языка // Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции «58-е Евсевьевские чтения» (г. Саранск, 25–26 апреля 2022 года). Саранск: РИЦ МГПУ, 2022. С. 12–15.
5. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.
6. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–432.
7. Иванова Г. С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 168–180.
8. Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского *ä непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 25–32.
9. Иванова Г. С., Ерёмкина Н. В., Иванова Н. В. Особенности словоизменения детерминативного конъюнктива в диалектах мокшанского языка // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12. № 1. С. 134–139.
10. Иванова Г. С., Жебряткина И. Я. Словоизменительный потенциал имени существительного в языках агглютинативного типа // Язык и культура. 2020. № 49. С. 66–82.
11. Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2019. № 2 (33). С. 22–37.
12. Левина М. З. Особенности падежного маркирования в определённом склонении западного диалекта мокшанского языка (лингвогеографический аспект исследования) // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. № 1. С. 16–30.
13. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: [б. и.], 1972. 24 с.
14. Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 289–330.
15. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
16. Мокшень кяль. Морфология = Мокшанский язык. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 234 с.
17. Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Вып. 42. С. 61–68.
18. Ромбандеева Е. И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. 317 с.
19. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
20. Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. 348 с.
21. Тихонова Т. М. Выражение категории определённости в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Вып. 42. С. 3–60.
22. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 3. С. 254–264.
23. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran, 1999. 183 p. (MSFOu 232)
24. Feoktistov A. P. *Dialects of Mordovian languages* // *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI.
25. Itkonen E. *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache* // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd. 34. Pp. 201–202.
26. Kettunen L. *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 1943. 576 p.
27. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 159 p.
28. Szinyei J. *Finnisch-Ugrische Sprachwissenschaft*. Leipzig: [w/p], 1910. 161 p.

References

1. Ananyina K. I. *Verkhne-alatyrskiye govory mokshanskogo yazyka* [Upper Alatyr dialects of the Moksha language]. Tartu, 1974. 21 p. (In Russian)
2. Babushkina R. V. *Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Temyashevo dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 16–226. (In Russian)

3. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)
4. Vodyasova L. P., Ivanova G. S., Ivanova N. V. *Glasnyye fonemy srednego pod'yema v perekhodnom dialekte mokshanskogo yazyka* [Vowel phonemes of the middle rise in the transitional dialect of the Moksha language]. *Filologiya i filologicheskoye obrazovaniye v polikul'turnom prostranstve Rossii XXI veka: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "58-e Evsev'evskie chteniya" (g. Saransk, 25–26 aprelya 2022 goda)* [Philology and philological education in the multicultural space of Russia of the XXI century: collection of scientific works on the materials of the International Scientific and Practical Conference "58 Evseviev's Readings" (Saransk, April 25–26, 2022)]. Saransk: RIC MGPU Publ., 2022. pp. 12–15. (In Russian)
5. *Grammatika mordovskikh yazykov* [Grammar of the Mordovian languages]. Ed. by D. V. Tsygankin. Saransk: Mordov. un-t Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
6. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Middle Vad dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. pp. 261–433. (In Russian)
7. Ivanova G. S. *O proiskhozhdenii konsonantnykh kompleksov v mordovskikh yazykakh* [About the origin of consonantal complexes in the Mordovian languages]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2021, no. 4, pp. 168–180. (In Russian)
8. Ivanova G. S., Butylov N. V. *Reprezentatsiya finno-ugorskogo *ä nepervogo sloga (na materiale mokshanskikh dialektov)* [Representation of the Finno-Ugric *ä of the non-first syllable (on the material of Moksha dialects)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 25–32. (In Russian)
9. Ivanova G. S., Eremkina N. V., Ivanova N. V. *Osobennosti slovoizmeneniya determinativnogo kon'yunktiva v dialektakh mokshanskogo yazyka* [Peculiarities of inflection of the determinative conjunctiva in the dialects of the Moksha language]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye* [Humanities and Education], 2021, no. 12 (1), pp. 134–139. (In Russian)
10. Ivanova G. S., Zhebratkina I. Ya. *Slovoizmenitel'nyy potentsial imeni sushchestvitel'nogo vyazykakh agglutinativnogo tipa* [Inflection potential of a noun in agglutinative languages]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2020, no. 49, pp. 66–82. (In Russian)
11. Kashkin E. V. *Pamyatnik hantyjskoj pis'mennosti "Svyashchennaya istoriya" (Tobol'sk, 1900): imennaya morfologiya* [Monument of Khanty writing "The Holy History" (Tobolsk, 1900): nominal morphology]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 2 (33), pp. 22–37. (In Russian)
12. Levina M. Z. *Osobennosti padezhnogo markirovaniya v opredelennom sklonenii zapadnogo dialekta mokshanskogo yazyka (lingvogeograficheskiy aspekt issledovaniya)* [Features of case marking in the definite declension of the Western dialect of the Moksha language (linguo-geographical aspect of the study)]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, no. 1 (54), pp. 16–30. (In Russian)
13. Lipatov S. I. *Rybkinsko-mamolaevskiye govory moksha-mordovskogo yazyka* [Rybkin-Mamolaev dialects of the Moksha-Mordovian language]. Tartu: [w/p], 1972. 24 p. (In Russian)
14. Lomakina T. I. *Gorodishchenskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka (kratkiy foneticheskiy ocherk)* [Gorodishche dialect of the Moksha-Mordovian language (concise phonetic essay)]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 289–330. (In Russian)
15. Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 308 p. (In Russian)
16. *Mokshen' kyal'. Morfologiya* [Moksha language. Morphology]. Ed. by N. S. Alyamkin. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2000. 236 p. (In Moksha)
17. Nadkin D.T. *K istorii ukazatel'nykh form v mordovskikh yazykakh* [To the history of demonstrative forms in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaneya* [Issues of Mordovian Linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1972. Vol. 42. pp. 61–68. (In Russian)
18. Rombandeeva E. I. *Sovremennyy mansijskiy yazyk: leksika, fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya, slovoobrazovanie* [Modern Mansi language: vocabulary, phonetics, graphics, orthography, morphology, word formation]. Tyumen: Format Publ., 2017. 318 p. (In Russian)
19. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)
20. Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty khantyyskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. 348 p. (In Russian)
21. Tikhonova T. M. *Vyrazhenie kategorii opredelennosti v mordovskikh yazykakh* [The category of definiteness in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaneya* [Issues of Mordovian Linguistics], 1972, no. 42, pp. 3–60. (In Russian)
22. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Arhaichnye i innovatsionnye yavleniya v padezhnykh paradigmah erzyanskikh dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 13 (3), pp. 254–264. (In Russian)
23. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran, 1999. 183 p. (MSFOu 232). (In Finnish)
24. Feoktistov A. P. *Dialects of Mordovian languages*. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. pp. LXXI–LXXXVI. (In German)

25. Itkonen E. *Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*. Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd. 34. pp. 201–202. (In German)
26. Kettunen L. *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 1943. 576 p. (In Finnish)
27. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Soci t  Finno-Ougrienne, 1909. 159 p. (In German)
28. Szinnyei J. *Finnisch-Ugrische Sprachwissenschaft*. Leipzig: [w/p], 1910. 161 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430000, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6767-6337>

ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Galina Sofronovna, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya St., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337